

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-218-233

Латиноамериканские исследования интеграции: от периферийного капитализма к «Судамекзиту»

Л.С. Хейфец, К.А. Коновалова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Исследовательский интерес латиноамериканистов традиционно привлекают интеграционные процессы в изучаемом регионе. За последние десятилетия в рамках латиноамериканской интеграции было апробировано множество институциональных структур, начиная от относительно однородных субрегиональных торговых блоков — САСМ, LAFTA и т.д. до многофункциональных партнерств с компонентом формирования идентичности, таких как Unasur или CELAC.

Представляя обзор литературы, авторы показывают, как латиноамериканский интеграционизм трансформировался, проходя последовательно фазы «старого», «открытого» и «постлиберального» регионализма. Хотя типы интеграции на каждом из периодов существенно различались, ученые подходят к ним совершенно одинаково. Они занимаются социальным проектированием региона и используют такие базовые концепции, как *globalización*, *soberanía* и *desarrollo*. Теория и практика латиноамериканской интеграции всегда были тесно переплетены. Авторы выделяют три сегодняшних латиноамериканских «больших дискурса» об интеграции — политико-экономический, геополитический и государственноцентричный. Каждый из этих дискурсов учитывает внутренние и внешние условия, которые привели к постлиберальной фазе интеграции.

В статье представлены экспертные прогнозы о перспективах региональных объединений на фоне кризисных тенденций последних лет. Латиноамериканские эксперты сходятся во мнении, что региональная интеграция вступила в новую фазу, важнейшими чертами которой являются замедление глобализации, осложнение межамериканских отношений из-за «фактора Трампа», упадок левых прогрессистских сил в регионе.

Богатая историография других национальных школ, в частности российской, по латиноамериканскому регионализму, не являясь предметом авторского анализа, учитывается в данной работе в той мере, в которой авторы могут опираться на нее для пояснения отдельных латиноамериканских концепций и расширения своей аргументации.

Ключевые слова: Латинская Америка, интеграция, исследования интеграции, регионализм, MERCOSUR, UNASUR, ALBA, Тихоокеанский Альянс, CELAC

Влияние интеграционных процессов на политическую и социально-экономическую динамику, складывание международной идентичности Латинской Америки (ЛА) исторически велико. Это обуславливает тот факт, что в самом регионе интеграционистика всегда занимала особое место в международных исследованиях и оказала большое влияние на становление социальных наук в принципе [Perrotta 2018: 13].

Целью работы является выявление особенностей взглядов латиноамериканских ученых на важнейшие современные интеграционные модели в регионе. Базируясь на общенаучных (анализ, синтез, концептуализация) и специальных (историко-описательном, историко-сравнительном, системном) методах, авторы выявляют ведущие элементы и специфические типы различных представлений о латиноамериканской интеграции в связи с региональной исторической обстановкой.

Некоторые замечания о развитии латиноамериканской интеграции

Несмотря на то что сам ход латиноамериканской интеграции не является предметом настоящего исследования, для его целей представляется необходимым сжато, контекстно обрисовать ее историческое развитие. Считается, что регионализм в Латинской Америке представлен тремя последовательными «волнами».

1. Период старого регионализма (с 1960-х гг. до окончания холодной войны). В теоретическом смысле он базировался на концепциях периферийного капитализма, разработанных Р. Пребишем, С. Фуртаду, Т. душ Сантушем и рядом других, как правило, латиноамериканских специалистов в области экономики. «Ядром» этих теоретических установок являлось восприятие интеграции как инструмента содействия запоздалой модернизации национальных хозяйств стран

региона. Межгосударственные объединения обещали «приращение» изначально недостаточной емкости национальных латиноамериканских рынков, что, в свою очередь, должно было стимулировать импортозамещающее развитие промышленности в регионе [Zelada Castedo 2005: 115—116]. Как следствие осуществления этой программы в ЛА появились типовые субрегиональные замыслы построения торгово-экономических союзов (Латиноамериканская ассоциация свободной торговли, Центральноамериканский общий рынок и др.), которые, адаптируясь к неоднородности развития стран региона, со временем сконцентрировались вокруг нескольких «геоэкономических очагов» — карибского, андского и ла-платского. Внутри последних уже складывались условия для появления таких ныне существующих экономических объединений, как Карибское сообщество (CARICOM), Андское сообщество наций (CAN), MERCOSUR.

2. Период «нового», или «открытого», регионализма (1990-е гг.). В это время региональная интеграция сохранила свою приоритетную торгово-экономическую ориентацию, но ее философия существенно обновилась. Во-первых, акцентирование импортозамещения оказалось исчерпанной схемой, поскольку привело латиноамериканские страны к тяжелому долговому кризису 1980-х гг. Выход из тупика внешней задолженности страны ЛА искали с активной помощью «международных финансовых организаций, подталкивавших их к проведению крупных структурных реформ для перехода к модели открытой рыночной экономики, либерализации внешней торговли», участию в глобальных торговых объединениях (ГАТТ—ВТО) [Интеграционные процессы в Латинской Америке... 2012: 12—13].

Второй момент был связан с процессами демократизации в ЛА. Хотя латиноамериканские диктаторские правительства не были чужды экономическим течениям, отсылающим к логике открытого рынка, их государственно-политические принципы вели к возникновению в регионе тормозящих интеграцию конфронтационных расколов — по линиям борьбы правых и левых режимов, конкуренции среди доминирующих стран. Классическими примерами могут быть аргентинско-бразильское противоборство в период существования военных правительств (конец которому, в общем смысле, положило создание MERCOSUR уже при реставрации демократии

в обеих странах) или выход Чили при А. Пиночете из CAN.

Помимо снятия проблемы межгосударственных трений демократизация породила особый «идейный код», воспринимаемый элитами региона. Он основывался на убеждениях об универсальных общечеловеческих ценностях и растущей взаимозависимости обществ, государств и хозяйственных комплексов, а значит, делал неактуальными любые формы национализма. Это обстоятельство предопределило моральную победу крупного, способного к транснационализации, бизнеса над интересами прежних изоляционистско-дессаролистских элит и привело к тому, что «глубокая экономическая интеграция» стала развиваться как на базе уже имевшихся интеграционных блоков (CAN, в частности, тогда поставило цель достигнуть формата экономического сообщества по примеру Европейского союза, которая так и не была реализована), так и вдохновлять новые (MERCOSUR).

Сочетание философии свободного рынка и демократического мышления подготовило появление и принципиально нового качества интеграции — по линии «Север—Юг» (Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), инициатива Панамериканской зоны свободной торговли (ALCA)). Проект ALCA оказался экстраординарным в том плане, что представлял собой исторически последнюю явную попытку США возглавить процесс латиноамериканской регионализации. И хотя инициатива ALCA была окончательно провалена в 2005 г., основополагающий принцип «США в роли главного интегратора Латинской Америки» косвенным образом воплотился в проекте Тихоокеанского альянса (AP). Говорить об этом позволяют, по меньшей мере, два обстоятельства.

Во-первых, все члены данного альянса оказались включены в систему отношений свободной торговли с США при возможности дальнейшего углубления экономической интеграции с ними.

Во-вторых, в то время, как в латиноамериканской интеграционной мысли и политике в начале 2010-х гг. господствовали уже «лево-суверенизаторские» устремления, о которых речь пойдет ниже, AP объединял принципиальных приверженцев неолиберальных ценностей.

3. Период «постлиберального» регионализма. Его старт приходится на начало 2000-х гг. [Briceño Ruiz 2017: 27—34]. «Постлиберальному»

регионализму может быть придан узкий и широкий смысл. В узком смысле речь идет о периоде появления в регионе группировок, во-первых, с радикальным расширением самой повестки интеграции (особенно за счет проблем социального прогресса, безопасности, политической стабильности, экологического благополучия; поэтому «постлиберальный» регионализм часто называется также «социальным» или «инклюзивным»), во-вторых, с принципиальной установкой на диверсификацию внешних связей, укрепление самостоятельной международной акторности латиноамериканского региона. В отдельных случаях эта диверсификация предполагает острую антизападную и антиамериканскую позицию (как, например, Боливарианский альянс для нашей Америки (ALBA), которую считали прямой альтернативой проекта ALCA), но чаще она исходит из требования превращения ЛА в один из полюсов полицентричного мира (как в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC)). Важно добавить, что в концептуальном плане постлиберальные интеграционные проекты, за редкими исключениями, отталкивались от перегибов неолиберальной традиции 1990-х гг., принесших странам региона социально-экономический хаос и не решивших проблему зависимости от государств «центра».

В широком смысле постлиберальный период — это в целом период современный, связанный с сосуществованием в регионе большого многообразия идеологически и институционально разноплановых интеграционных схем, от «старых» экономических блоков до альянсов, основанных на дискурсе восхождения «Глобального Юга» (ALBA, CELAC, Южноамериканское сообщество наций (UNASUR)). Они развивались не изолированно, а во взаимовлиянии, являясь отражением многообразия тенденций и контртенденций глобализации. Несмотря на различия в интеграционных тенденциях «трех волн», в специфике научных подходов к латиноамериканскому регионализму, соответствующих каждой из них, можно найти преемственность.

Во-первых, для всех трех волн в принципе справедливо замечание о тесной взаимосвязи теории и политики интеграции [Perrotta 2018: 19]. Теоретики ранней интеграции в регионе часто совмещали посты практиков — президентов, министров, дипломатов, и непосредственно воплощали свои наработки в жизнь. Как известно,

например, Р. Пребиш работал в Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), вдохновившей «старую» интеграцию, а Ф. Кардозу на посту президента Бразилии (1995—2003) сыграл важную роль в становлении MERCOSUR¹. Первые центры, где развивались интеграционные исследования, — ЭКЛАК, Латиноамериканский факультет социальных наук (Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales (FLACSO)), Институт латиноамериканской интеграции (Instituto para la Integración de América Latina (INTAL)), Латиноамериканский совет социальных наук (Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales (CLACSO)) появились в 1940—1960-е гг. — раньше или почти одновременно с первыми практическими опытами интеграции.

В текущий период «постлиберального» регионализма, по мнению Д.В. Перротта, практика интеграции стала предшествовать теории, исследователи начали скорее осмысливать, а не конструировать возникшие усилиями политических элит и требованиями обществ объединительные проекты [Perrotta 2018: 20]. Также необходимо отметить постоянное взаимовлияние состояния теоретических подходов к интеграции и ее реальных векторов развития, поскольку без соответствующей поддержки в дискурсивном поле идущий крайне неравномерно интеграционный процесс не смог бы на протяжении шести десятков лет оставаться релевантной опцией международного курса стран региона.

Так, примером политико-теоретического «симбиоза» в «постлиберальной» интеграции могут послужить усилия правительств Партии трудящихся в Бразилии (2003—2016) по расширению MERCOSUR, созданию Южноамериканского сообщества наций (UNASUR) и — тогда же — популяризации в бразильских международных исследованиях концепции «логистического государства». Созданная историком А. Серву, она видела во всемерной поддержке южноамериканской интеграции способ создать благоприятные внешние условия для стремительно растущей тогда бразильской экономики и повысить тем са-

¹ Ф. Кардозу, как и Р. Пребиш, считается разработчиком теории зависимого развития, хотя в своей политической деятельности он выступал уже с позиций неолиберализма, формулируя установки, укладывающиеся в парадигму «открытой» интеграции.

мым ее шансы на глобальную конкурентоспособность [Bernal Meza 2015: 24—25].

Во-вторых, все интеграционистские исследования отталкиваются от трех базовых концептов — *глобализация, независимость, развитие*.

По сути, категорию *глобализации* уже учитывали в своих построениях исследователи «старой» интеграции. В работах авторов теории зависимого развития говорилось о мир-системе и негативных эффектах включенности (*inserción*) в нее Латинской Америки [Pérez Caldentey, Sunkel, Torres Olivos 2013: 6]. Однако и для современных ученых-интеграционистов глобализация предстает объективным, необратимым процессом, ответ на который для латиноамериканских политических систем и обществ призвана дать региональная интеграция². Для теоретиков «старой» интеграции этот ответ должен был быть «приспособлением», поскольку создание торгово-экономических союзов позволяло нивелировать негативные структурные факторы, постоянно действующие на латиноамериканские хозяйственные комплексы. Этап «открытой» интеграции предполагает «принятие» глобализации. Здесь идея интеграции состоит в том, чтобы совместить национальные и универсальные цели и ценности и тем самым включить латиноамериканские страны в состав «ответственного» и «цивилизованного» мирового сообщества [Vigevani, de Oliveira, Cintura 2003; Cortes 2002]. Наконец, «постлиберальный» этап трактуется учеными как выдвигающий альтернативы глобализации за счет придания ей более плюралистического, справедливого для стран Юга качества [Mijares 2017: 210].

Развитие предстает универсальным императивом интеграции. Как показано Х. Брисеньо Руисом (Андский университет, Венесуэла), «старые» и «постлиберальные» интеграционные форматы прямо подразумевают распространение в регионе политэкономических моделей «государства развития» [Brisceño Ruiz 2013: 22], где акцентируются либо догоняющая модернизация, либо социально ответственный капитализм. Что касается «открытой» интеграции, то и ее идеальной целью было обеспечение депериферизации латиноамериканских стран посредством их доступа не только к кредитам, технологиям, передовым управленческим практикам, но и тем союзникам и многосторонним структурам, которые могли бы стать мощными источниками внешней легитимности для их молодых демократий. Например, Ф. Сантос Каррильо полагает, что «открытая» модель Центральноамериканской интеграционной системы (SICA) «подстегнула» развитие проблемного Центральноамериканского региона, не только более адекватно встраивая его в мировую капиталистическую систему, но и способствуя консолидации мира (после разрешения Центральноамериканского конфликта) и поддержанию демократии [Santos Carillo 2014].

Концепт *независимости* можно считать пронизывающим всю латиноамериканскую интеграционистику, так как в его рамках решается вопрос об институциональных пределах интеграции. Несмотря на то, что ролевой моделью для инициаторов интеграции в регионе неизменно выступал Европейский союз, ни одно из объединений так и не достигло качества подлинной наднациональности. Современные латиноамериканские специалисты склонны верить скорее в невозможность наднациональной интеграции в регионе по причинам, лежащим в сфере правовой и политической культуры латиноамериканцев и ведущим к своего рода «сакрализации» категорий национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Как отмечает А. Сербин (Региональный центр экономических и социальных исследований (Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales (CRIES), Аргентина), мифология неприкосновенности национального суверенитета последовательно внедрялась в юридические основы всех латиноамериканских многосторонних структур [Serbín 2013: 68]. К концепту независимости также привязаны попытки теоретического осмысления интеграции как инструмента, позволяющего латиноамериканским странам «интернализировать» ход своего внутреннего развития и поиск пути на международной арене, защитившись от «поглощения» инициативами, навязанными представителями развитого мира. В этом ключе рассуждали как представители «старой» интеграционистской школы А. Феррер, Х. К. Пьюиг [Granato,

² Подробный обзор латиноамериканской глобалистики производился, например, отечественным латиноамериканистом А.Н. Пятаковым. См.: [Пятаков 2018a].

Oddone, Battaglia 2016: 155—158], так и исследователи «постлиберального» периода. Например, Д. Тусси (FLACSO), популяризирующая концепцию «постгегемонического» регионализма, считает, что принципиальное качество текущей интеграции в регионе — это исключение из нее США, которые исторически задавали тон местным объединительным тенденциям [The Rise of Post-Hegemonic Regionalism... 2012].

Латиноамериканская интеграционистика «постлиберального периода»

Среди оказавших решающее влияние на становление и развитие латиноамериканской интеграции в XXI в. можно назвать следующие факторы:

— на страновом уровне — появление режимов с левой идеологией. Значимые для регионализма постлиберального периода альтерглобализм, социальная справедливость входили в повестку новых латиноамериканских левых;

— на региональном уровне — ослабление внимания к латиноамериканским делам США при одновременном появлении в региональном пространстве новых игроков, ассоциирующихся с наступлением многополярного мира (прежде всего, таковым можно было считать Китай);

— на глобальном уровне — на фоне исчерпания негативных последствий экономических неурядиц конца прошлого столетия — «великая рецессия» 2008 г., дискредитировавшая мировой неолиберальный капитализм, но одновременно благоприятная для стран-экспортеров commodities глобальная рыночная конъюнктура.

Эта совокупность условий позволяет выделить три условных «больших дискурса», в рамки которых можно поместить частные теоретические подходы к основным интеграционным проектам Латинской Америки на современном этапе.

Политэкономический дискурс описывает отношение интеграционных начинаний к мировой капиталистической системе.

Характерным примером является концепция Х. Брисеньо Руиса о трех осях интеграции и трех идеальных типах экономического регионализма. К оси *открытого регионализма* ученый относит NAFTA и Тихоокеанский альянс. Этим объединениям соответствует тип *стратегического* эконо-

мического регионализма, который реализуется глобалистски ориентированными правительствами и интернационализированным бизнесом, стремящимся к эффективной конкурентной борьбе на рынках развитого мира. Стратегический регионализм охватывает исключительно торгово-экономическую область. Южноамериканский общий рынок (MERCOSUR) представляет собой ось так называемого *ревизионистского регионализма*. Имеется в виду, что поначалу члены MERCOSUR тоже избрали путь «открытой» регионализации (в этом духе был подписан Асунсьонский договор), но постепенно отступили от него: экономическая интеграция застыла на стадии таможенного союза, в 2000-е гг. проявилось выраженное дистанцирование этого торгового блока от взаимодействия с США по законам открытого рынка.

С точки зрения выбора модели экономического регионализма MERCOSUR является гибридным проектом. «Стратегический» тип регионализма выдает ориентация блока на активную, наступательную торгово-инвестиционную повестку в условиях либеральной капиталистической экономики. *Производственный* экономический регионализм, отсылающий к пребишианским идеям 1970-х гг. и предполагающий посредством интеграции расширение внутренних национальных латиноамериканских рынков, стимулирование развития промышленности, тоже свойствен MERCOSUR с его протекционизмом как двигателем национального индустриального строительства, межнациональными производственными цепочками и мерами преодоления структурных асимметрий экономик стран-членов [Разумовский 2018: 34].

Наконец, MERCOSUR присущ *социальный регионализм*, так как еще с 1990-х гг. и особенно после формирования «Буэнос-Айресского консенсуса» президентами Аргентины и Бразилии Н. Киршнером и Л.И. Лулой да Силвой в 2003 г. в его интеграционную схему стали постепенно включаться сюжеты, связанные с лучшим обеспечением социальных прав человека (на труд, образование, здравоохранение и т.д.) [Briceño Ruiz 2013]. По этой причине профессор М. Васкес называет MERCOSUR примером «инклюзивного регионализма» [Vázquez 2011].

Антисистемную ось составляет объединение ALBA, противопоставляющее себя логике либерального капитализма в принципе. Модель экономической интеграции ALBA также гибридна, сочетает социальный и производственный типы: при безусловном акцентировании социальных моментов ALBA стремилась сближать и стимулировать крупных национальных производителей, особенно в сфере энергоресурсов [Briceño Ruiz 2013: 17—18, 32—34].

Политэкономическая парадигма также обращает внимание на «новые» (относительно тенденций 1960-х — начала 2000-х гг.) объединения, для которых экономическая интеграция вообще не являлась первопричиной; вместо нее главную роль играло формирование общей идентичности или совершенствование политических процессов. К ним относят, прежде всего, CELAC [Briceño Ruiz 2013: 36].

Геополитический дискурс исходит из идеи, что в Латинской Америке существуют различные определяемые пространственными факторами полюсы интеграции, придающие специфику акторности региона в мировой политике.

Наиболее часто ученые говорят о двух полюсах — вокруг атлантического и тихоокеанского побережий обеих (за счет Мексики) Америки. К атлантической группировке относят MERCOSUR, UNASUR, ALBA, к тихоокеанской — AP.

По мнению А. Сербина, геополитическая поляризация латиноамериканской интеграции является функцией глобальных процессов — подъема азиатско-тихоокеанских стран при сохранении в старом евроатлантическом мире основного фокуса мировой экономики, прогресса, деловой активности. Латинская Америка в этих условиях оказывается «расколотой»: атлантический полюс «смотрит» на Европу и США из соображений о ценностно-идентичностной и цивилизационной близости, тихоокеанский — обращен к Азиатско-Тихоокеанскому региону в поисках новых возможностей. Как показано мексиканскими учеными Х.П. Прадо Лальянде и Р. Веласкесом Флоресом, «внешнее формирование идентичности» особенно значимо для модели AP, который предстает «единственным интеграционным механизмом в Латинской Америке, открыто заявляющим цель укрепления связей с другим, Азиат-

ско-Тихоокеанским регионом» [Prado Lallande, Velázquez Flores 2016: 79—80]. Так как усугубление поляризации интеграции способно законсервировать Латинскую Америку в маргинальном состоянии, растет значимость панлатиноамериканских структур — CELAC [Хейфец, Хадорич 2015: 90—100], ориентированных на универсальность, многообразие внешних связей и со старыми западными партнерами, и с поднимающимися державами Азии и вообще «Глобального Юга» [Serbín 2014: 17—25].

Вместе с тем ряд экспертов считают дискурс о расхождении латиноамериканских интеграционных блоков по геополитическим полюсам хотя и влиятельным, но умозрительным. В частности, Х.А. Санауха (CRIES) считает, что тезис о «двух Латинских Америках» — это скорее программа мобилизации отдельных политико-идеологических сил — условных «либералов» и «неодесарролистам». В реальности же, по мнению исследователя, различия между блоками нивелируются сходствами их членов по структуре и проблемам экономики, большой зависимостью от глобальной рыночной конъюнктуры. Именно эти факторы оказали важное влияние на становление всех рассматриваемых интеграционных дизайнов [Sanahuja 2016: 29—34]. Аргентинские международники Н. Комини и Т. Бонтемпо также говорят об искусственном характере концепта «двух Латинских Америк». По их мнению, данный концепт имел нормативистское назначение — создать иллюзию правильности и превосходства одного сценария интеграции (либерального тихоокеанского) над другим (неодесарролистским атлантическим). Реальные возможности для конвергентного сосуществования всех стран-членов демонстрируют опыт UNASUR и CELAC³. В то же время Н. Комини и Т. Бонтемпо солидарны с констатирующей объективностью разрыва А. Сербином: раскол Латинской Америки, даже в дискурсивном поле, представляет собой вызов ее благополучному развитию [Comini, Bontempo 2016].

Государствоцентричный дискурс подразумевает, что интеграция внутренне иерархизирует

³ Изначально в UNASUR вошли 12 из 14 стран Южной Америки, а в CELAC — все 33 страны Латинской Америки.

регион, выделяет центры силы и сферы их влияния. В рамках этой парадигмы интеграционные сценарии рассматриваются как инструменты обеспечения лидерства ведущих государств региона.

Классическими странами-интеграторами выступают Бразилия, Венесуэла, Мексика, а также США.

Считается, что бразильская интеграторская модель XXI в. базируется на концепте «южноамериканскости» (*sudamericanidad*) [Pereyra Doval 2014: 160—167], который предполагает, что Бразилия стремится создать в рамках южноамериканского субрегиона замкнутую общность стран, находящихся в орбите влияния ее транснационального капитала, политических ценностей, и в зависимости от ее способностей урегулировать региональные кризисы. Для достижения этих целей используются, во-первых, узкоспециализированные площадки межгосударственной кооперации, например, Инициатива интеграции региональной инфраструктуры в Южной Америке (IIRSA), во-вторых, многоцелевые интеграционные блоки, например, MERCOSUR с его Фондом структурной конвергенции, посредством которого Бразилия превращается в ведущего инвестора малых стран Ла-Платы, или же UNASUR с его концепцией Южноамериканского совета обороны, чей потенциал должен был опираться на бразильские вооруженные силы.

По мнению многих авторов, MERCOSUR был первичной ступенью бразильского лидерского проекта. Во-первых, он позволял решить проблему «нейтрализации» Аргентины, которая не стала бросать вызов бразильской «благожелательной гегемонии» в обмен на торгово-экономические выигрыши от тесных отношений со своим соседом [Miranda 2015: 47—48]. Во-вторых, он обладал большим потенциалом расширения: путем соединения или с CAN [Da Silva Guevara 2016], или с ведущими игроками ALBA — Венесуэлой, Боливией, Эквадором [Merino 2017: 21—22]. В конечном итоге оба эти варианта подвели проект к институционально-идентичностной «перезагрузке» и универсализации повестки, то есть предвещали необходимость создания UNASUR⁴.

⁴ Подробно о концепции UNASUR и роли Бразилии в нем см., например: [Пятаков 2018б].

В оценках бразильского лидерского проекта важно обратить внимание также на то замечание, что южноамериканская интеграционистская политика Бразилии соотносится с процессом поиска ею более заметной роли на глобальной арене [Pereyra Doval 2014: 162]. Продвигая интеграцию в своем регионе, Бразилия «стремилась соответствовать ожиданиям мирового сообщества, которое видит в ней единственного актора, способного гарантировать региональную стабильность, и основного дееспособного собеседника [в Южной и вообще Латинской Америке]» [Torres del Sel 2013: 36—39].

У венесуэльского проекта ALBA выделяются следующие основные черты: выраженная политико-идеологическая ориентация (необоливарианизм) и антиамериканизм.

Как считает М.М. Торрес дель Сель, ALBA предстает антитезой традиционного панамериканизма, вдохновляемого США. При продвижении своих интеграционистских интересов ALBA активно использует экономические рычаги и особенно нефтяную ренту. Она балансирует между возможностями оппонировать бразильскому проекту или выстраивать с ним осторожные диалоговые отношения. По существу, укрепление отношений с MERCOSUR в целом и Аргентиной в частности продвигало Боливарианскую Республику по обоим направлениям [Torres del Sel 2013: 33—36]. ALBA также оказалась проводником глобальной политики Каракаса, нацеленной на поиск союзников среди «противников западного империализма». В. Рувинским (Университет ICESI, Колумбия) это продемонстрировано на примере российско-венесуэльских отношений [Rouvinisky 2014: 480—486].

Противоречивое положение Мексики, при котором она одновременно зависима от ближайшего соседа США и влиятельна в Центральноамериканском субрегионе, трактуется специалистами по-разному. Некоторые исследователи видят Мексику своего рода «изгнанником» из латиноамериканского пространства, отмечая безальтернативность ее выбора в пользу открытой интеграции [Torres del Sel 2013: 40]. Другие авторы, напротив, считают, что Мексика сконструировала свой особый позитивный статус и особый проект, включающий Латинскую Америку. Как справедливо указывает, например, М. Ардила (Университет Экстернадо де Колумбия, Колумбия), со-

временная «внешняя политика Мексики совмещает многосторонность и двусторонние связи, идеологизацию и прагматизм, акценты на автономии и способность быть на вторых ролях. Инициативы Мезоамерики и Тихоокеанского альянса — это проекты „разделенного“ (compartido) лидерства для Мексики, которая стремится одновременно сбалансировать отношения с США и интенсифицировать взаимодействие с Латинской Америкой» [Ardila 2016]. С ней согласен С.М. Мелу Мелу (Университет Хорхе Тадео Лосано, Колумбия), утверждающий, что в Тихоокеанском альянсе «совершенно точно определяется мексиканское лидерство»⁵. Интересно, что собственно мексиканские эксперты М.Э. Моралес Фахардо и Л. де Хесус Алмонте (Автономный университет Мехико, Мексика) не расценивают мексиканское лидерство в проекте как консолидированное и выраженное, хотя отмечают особую роль Мексики в популяризации инициативы среди центральноамериканских стран [Morales Fajardo, de Jesús Almonte 2012: 122—128].

К этой же парадигме примыкают исследования роли США в латиноамериканском интеграционном контексте. С одной стороны, латиноамериканские авторы склонны считать Соединенные Штаты неудавшимся «благожелательным гегемоном», который не создал по-настоящему легитимных международных режимов и поэтому не был принят латиноамериканскими игроками [Briceño Ruiz 2016: 42—44]. С другой стороны, некоторые ученые полагают, что США могут продолжить борьбу за конституирующее начало в регионе при помощи Тихоокеанского альянса. Так, по мнению колумбийского экономиста левого толка А. Суареса, «все страны, которые участвуют в соглашении... должны иметь договор о зоне свободной торговли с США. Это позволяет США запустить в регионе что-то вроде „ALCA в миниатюре“ (Alquita)»⁶.

⁵ Цит. по: Bernal González M. Alianza del Pacífico vs. Mercosur, ¿alternativas para América Latina? URL: <https://revistadelogistica.com/actualidad/alianza-del-pacifico-vs-mercosur-alternativas-para-america-latina/> (accessed: 12.03.2019).

⁶ Цит. по: Wallace A. Alianza del Pacífico: integración y libre comercio a toda velocidad // BBC Mundo. 10.02.2014. URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/02/140210_economia_alianza_pacifico_integracion_aw (accessed: 12.03.2019).

Оценки латиноамериканской интеграции на фоне кризисного цикла

Как мы видим, к настоящему времени интеграция в регионе, как и научные представления о ней, претерпела большую эволюцию (табл. 1).

При этом, по мнению ряда специалистов, латиноамериканская интеграция развивается циклически, и каждый ее новый цикл вызывается исчерпанием форм предыдущего [Интеграционные процессы в Латинской Америке... 2012; Zelada Castedo 2005]. Постлиберальный период, с одной стороны, обладал серией уникальных черт, таких как плюрализм интеграционных инициатив, среди которых были универсальные по географическому охвату и строящие панлатиноамериканский («панъюжноамериканский») дискурс, что позволяло говорить о новом, самоценном, статусе Латинской Америки в складывающемся многополярном мире. Однако, с другой стороны, историческая обстановка продемонстрировала и его уязвимость перед негативными «циклическими» эндогенными (рост правой идеологии в странах региона) и экзогенными (торможение глобализации как таковой, в наиболее близком для Латинской Америки ключе выраженное в «факторе Трампа») эффектами.

Латиноамериканская интеграционная историография, учитывающая недавние «срывы» в объединительных региональных процессах, в основном группируется вокруг следующих проблемных сюжетов: обнаружившиеся «естественные границы» интеграционной повестки, недостаточная эффективность имевшихся интеграционных дизайнов для внутрорегионального кризисного менеджмента, драматические изменения в региональной легитимности стран — локомотивов интеграции.

Первый из этих сюжетов связан, прежде всего, с MERCOSUR. Дебаты о дальнейшей модели развития ведутся внутри блока в течение всех 2010-х гг. Проблемой выступает не только уже упоминавшееся торможение экономической интеграции, но и столкновение замыслов распространения интеграции на чувствительную сферу политики с особенностями внутривнутриполитической динамики стран-членов. Например, А. Мартинесом Кастильо (Университет Симона Боливара, Венесуэла) в этом русле исследован вопрос о применении инструментов «принуждения к демокра-

Таблица 1. Концептуализация этапов интеграции в Латинской Америке /
Table 1. Conceptualization of the stages of Latin American integration

	Основные концептуальные акценты / Key Conceptual Accents	Примеры организаций / Examples of organizations	Вектор(ы) научно-теоретического осмысления / Vector(s) of scientific theoretical understanding	
<p>«Старый» регионализм (1960—1990-е) / “Old” regionalism (1960—1990s)</p>	<p>— Экономические задачи интеграции: интеграция для преодоления периферийности и модернизации</p> <p>— Ограничение региональными рамками (только сама ЛА — пространство интеграции)</p>	<p>ЦАОР, ЛАСТ и мн. др. Впоследствии образовались три «очага» интеграции — карибский, андский, ла-платский, откуда позднее «вышли» CARICOM, CAN, MERCOSUR</p>	<p>Теория зависимого развития: структуралистское (напр., Р. Пребиш) и марксистское (Т. душ Сантуш) направления</p>	<p>Сквозные концепты — «глобализация», «развитие», «независимость». Тесное взаимодействие теории и практики интеграции</p>
<p>«Открытый» регионализм (1990-е — нач. 2000-х) / “Open” regionalism (1990s — beginning 2000s)</p>	<p>— Экономические (продвижение свободной торговли) + идейно-политические (примат развития либеральной демократии) установки</p> <p>— Появление вектора интеграции «Юг—Север»</p>	<p>1. Углубление экономической интеграции в «старых» объединениях (CAN). 2. Появление новых объединений — MERCOSUR, NAFTA, проект ALCA</p>	<p>Неолиберальные теории + демократический идеализм (Ф.Э. Кардозу (на президентском посту), С. Лафер и др.)</p>	
<p>«Постлиберальный» регионализм (со второй пол. 2000-х) / “Postliberal” regionalism (since 2nd half of 2000s)</p>	<p>1. Современный этап: обобщение предшествующих концепций, представление о целесообразности существования всего их множества</p> <p>ИЛИ</p> <p>2. Этап критической рефлексии предыдущих наработок. Интеграция как инструмент ресувенинизации и глобального восхождения ЛА. Отсюда:</p> <p>— диверсификация внешних связей объединений, приоритет глобальных Юга, Востока;</p> <p>— в социально-экономическом смысле «инклюзивная» интеграция. В политике акцентируется «солидарная» защита прав человека, поддержание демократической стабильности.</p> <p>В целом — радикальное расширение интеграционной повестки.</p>	<p>1. Существование разных форм интеграции — от CAN до ALBA и AP. 2. Развитие «социального крыла» MERCOSUR, появление ALBA, UNASUR, CELAC</p>	<p>— Политэкономические трактовки (как соотносятся интеграция и современный мировой капитализм?): Х. Бри-сеньо Руис</p> <p>— Геополитические трактовки (как интеграция структурирует пространство региона?): А. Сербин, Х.П. Прадо Лальянде, Р. Веласкес Флорес, А. Санауха</p> <p>— Государствоточечные трактовки (как интеграция соотносится с лидерскими проектами отдельных (вне) региональных игроков?): М. Ардила, М.М. Торрес дель Сель</p>	

Источник / Source: составлено авторами.

тии» в блоке. «Демократическая клаузула» протокола Ушуайя⁷ была задействована блоком против Парагвая в 2012 г. (по причине импичмента Ф. Луго, который другие страны-члены квалифицировали как государственный переворот) и против Венесуэлы в 2016 г. (по причине нарушения правительством Н. Мадуро духа и процедур демократии). По мнению А. Мартинеса Кастильо, в результате в MERCOSUR были созданы условия для внутренней конфронтации [Martínez Castillo 2016: 477—480], не устранимые в краткосрочной перспективе.

В ситуации, когда концепция MERCOSUR натолкнулась на изъяны наднационального регулирования, большое внимание как политиков⁸, так и теоретиков интеграции привлекает идея сближения или даже объединения MERCOSUR с более успешным⁹ и неполитизированным Тихоокеанским альянсом. Как предполагается, например, в работе Х.П. Прадо Лальянде и Р. Веласкеса Флореса, программа-максимум «глубокой интеграции» AP должна привести к формированию многофункционального объединения, где уже сейчас реализуется сотрудничество не только в торгово-финансовой сфере, но и в области туризма, образования, охраны окружающей среды [Prado Lallande, Velázquez Flores 2017]. Это позволит MERCOSUR не потерять свои «социальные» достижения интеграции в ходе конвергенции с альянсом.

Но и у концепта интеграции в рамках AP есть «естественные границы». Поскольку изначальный

замысел объединения базировался на желании каждого отдельного его члена получить площадку для диалога с избранными внешними игроками, объединение не достигло состояния интеграционного «целого, не сводимого к простой сумме частей». Этот символический момент, как показывает Ф. Мерке (Университет Сан-Андрес, Аргентина), имеет реальные негативные эффекты, например, в торговой отрасли: «Экспорт из данных стран в основном направляется в США, Европу и Китай», внутризональная торговая динамика недостаточная¹⁰.

Второй сюжет касается судьбы UNASUR. В свое время на этот альянс возлагались большие надежды не только как на источник суверенной южноамериканской идентичности, но и как на авторитетного регионального арбитра¹¹. Однако разногласия по поводу кандидатур нового генерального секретаря организации, столкнувшие Венесуэлу, Боливию из необоливарианского лагеря и Аргентину, Бразилию, Колумбию, Парагвай, Перу и Чили, по итогам последних электоральных циклов повернувших «вправо», а также венесуэльский кризис спровоцировали весной 2018 г. выход из блока половины стран-участниц и фактически дезавуировали его. Как считает, в частности, венесуэльский «новый историк» В. Михарес, падение UNASUR было предопределено его изначальными внутренними изъянами. Среди них негибкость процедур принятия решений (принцип консенсуса), рыхлая институциональная структура (совокупность горизонтальных «советов» вместо четкой иерархии институтов), отсутствие надежного единства ценностных представлений стран-членов (блок включал в себя страны и правительства, представляющие прямо противоположные идеологические традиции), а также «дефицит лидерства»: для нормального функционирования объединения требовалась на-

⁷ Демократическая клаузула — особое положение Протокола Ушуайя-1 (1998) — учредительного документа MERCOSUR, регулирующее санкции против стран — членов блока, в которых происходит нарушение демократического порядка. Санкции включают в себя различные меры (конкретизированы в протоколе «Ушуайя-2», принятом в 2011 г.), самая строгая из которых — временное исключение страны-нарушителя из блока. Была применена против Парагвая в 2012 г. и против Венесуэлы в 2016 г. Членство Венесуэлы до сих пор не восстановлено.

⁸ См.: Wallace A. Mercosur, cada vez más cerca de la Alianza del Pacífico // China-CELAC Forum. 03.06.2016. URL: http://www.chinacelacforum.org/esp/zgtlmjlbjgix_2/t1369174.htm (accessed: 12.03.2019).

⁹ Подробнее об успехах экономической интеграции AP в сравнении с другими региональными группировками см., напр.: Una visión prospectiva de la integración latinoamericana y caribeña // SELA, Marzo de 2018. URL: http://www.sela.org/media/2757881/vision_prospectiva_fv_7_05.pdf (accessed: 12.03.2019).

¹⁰ Цит. по: Nasanovski N. La integración latinoamericana, ¿en terapia intensiva? URL: <https://www.infobae.com/def/internacionales/2018/08/04/la-integracion-latinoamericana-en-terapia-intensiva/> (accessed: 02.03.2019).

¹¹ UNASUR весьма эффективно показал свой потенциал в сложных ситуациях, вызванных государственными переворотами в Гондурасе (2009 г.) и Парагвае (2012 г.), а также сыграл позитивную роль, сняв напряженность вокруг вооруженного конфликта в Колумбии и в ряде внутривнутриполитических кризисов — в Боливии (2008—2009 гг.), Эквадоре (2010 г.). См.: [Пятаков 2018a: 91].

правляющая роль хотя бы одного крупного игрока Южной Америки. Это и оказалось недостижимым после того, как Венесуэлу поразил кризис, а в Бразилии и Аргентине левопрогрессистские силы утратили власть¹².

Н. Комини и А. Френкелем (Университет Буэнос-Айреса) в 2016 г. для тогда еще гипотетического распада UNASUR был предложен термин «Судамекзит» [Comini, Frenkel 2016: 185—200]. Он, с одной стороны, содержит идею об изначально предполагаемой высокой роли UNASUR по превращению Южноамериканского региона в самостоятельное международно-политическое целое, сравнимой с ролью ЕС для Европы. С другой — под «Судамекзитом» можно понимать и вообще процессы деконструкции Южной Америки как одного из центров складывающегося полицентричного миропорядка на фоне последних кризисных тенденций.

Наконец, пласт исследований о проблемах, переживаемых странами — локомотивами региональной интеграции, можно условно подразделить еще на три типа оценок.

Во-первых, оценки, касающиеся Венесуэлы и Бразилии, почти исключительно пессимистические. Страдающая от гуманитарной катастрофы и сотрясаемая попытками мятежей нынешняя Венесуэла оказывается «живой антирекламой» содержащих левую повестку опытов интеграции в регионе (см., например: [Хейфец, Хадорич 2017]). Как показывает, в частности, М. Сандра Сапата (FLACSO, Испания), это приводит к тому, что из-за венесуэльского кризиса под угрозой оказывается легитимность наиболее символических инициатив постлиберальной фазы интеграции, в которые так или иначе инкорпорировались необоливарианские идеи, — CELAC, UNASUR, «социального крыла» MERCOSUR, не говоря уже об ALBA¹³.

¹² См.: Nolte D., Mijares V.M. La crisis de Unasur y la deconstrucción de Sudamérica // *El Espectador*. 23.04.2018. URL: <https://www.elespectador.com/noticias/el-mundo/la-crisis-de-unasur-y-la-deconstruccion-de-sudamerica-articulo-751730> (accessed: 12.03.2019).

¹³ Sandra Zapata M. ALBA en el turbulento escenario venezolano // *Estudios de politico exterior*. 10 Mayo 2017. URL: <https://www.politicaexterior.com/latinoamerica-analisis/la-iniciativa-alba-en-el-turbulento-escenario-venezolano/> (accessed: 12.03.2019).

Что касается Бразилии, то многие международники видят в приходе к власти в Бразилии Ж. Болсонару свидетельство наступающей для этой страны нерелевантности интеграционных усилий как таковых. Это объясняется его ярко антилевыми, антиглобалистскими взглядами при большом стремлении сделать свою страну привилегированным союзником США¹⁴.

Во-вторых, оценки гипотетической новой роли Мексики, указывающие на возможное «возвышение» этого прежде второстепенного игрока-интегратора. Главными составляющими успеха Мексики как нового «строителя» интеграции представляются приход к власти левопатриотического лидера А.М. Лопеса Обрадора [Briceño Ruiz 2017: 44] и некоторое обесценивание для Мексики вектора США из-за «проблемы стены» и реформирования NAFTA. По мнению Х.Г. Гомеса Альбарельо (Национальный университет Колумбии), Мексика как интегратор не станет способствовать возрождению необоливарианских проектов, но сможет действовать с более нейтральных площадок CELAC и особенно Тихоокеанского альянса, нацеливаясь на первом этапе на налаживание связей с правоцентристскими режимами Чили, Перу, Колумбии¹⁵.

В то же время, поскольку правительство А.М. Лопеса Обрадора сталкивается с огромным грузом внутренних проблем страны и необходимостью все равно строить диалог с США как своим главным торговым партнером, естественно, существуют и пессимистические точки зрения. Например, Ф. Мерке считает, что администрация А.М. Лопеса Обрадора просто не разработала целостной повестки регионального масштаба, чтобы продвигать интеграцию¹⁶.

Третью группу научных представлений образуют те, которые анализируют влияние «фактора Трампа» на латиноамериканский регионализм.

¹⁴ См.: Croda R. AMLO-Bolsonaro: en riesgo el equilibrio geopolítico latinoamericano // *Proceso*. 17 Noviembre 2018. URL: <https://www.proceso.com.mx/559872/amlo-bolsonaro-en-riesgo-el-equilibrio-geopolitico-latinoamericano> (accessed: 12.03.2019).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ См.: Nasanovski N. La integración latinoamericana, ¿en terapia intensiva? URL: <https://www.infobae.com/def/internacionales/2018/08/04/la-integracion-latinoamericana-en-terapia-intensiva/> (accessed: 02.03.2019).

По их мнению, хотя для отдельно взятых латиноамериканских игроков трампизм представляет большую проблему, в контексте региональной интеграции это шанс для ее оживления. В этом смысле, однако, немаловажен тот факт, что пока единственной согласованной ориентацией нынешних доминирующих политических сил в ЛА, противопоставляемой американским установкам при Д. Трампе, выступает идея возвращения к свободной торговле. Это, возможно, ограничит интеграционное поле традиционными торгово-экономическими задачами, как, например, показано аргентинским ученым Ф. Пеней в его работе о перспективах создания Всеобъемлющего латиноамериканского торгово-экономического соглашения под эгидой Латиноамериканской ассоциации интеграции (ALADI) [Реña 2017].

Заключение

Несмотря на неравномерное развитие регионализма, латиноамериканские ученые видят в нем не просто модальность, а структурообразующий элемент исторического процесса в реги-

оне. Это можно заключить на том основании, что теоретические трактовки интеграции очень широки — от способа компенсировать утраченные возможности развития до механизма формирования международной акторности отдельных стран и региона ЛА в целом. Актуальность исследований регионализма в латиноамериканской научной мысли имеет все шансы остаться высокой, поскольку ЛА накоплен колоссальный и при этом неизменно проблемный опыт интеграционных форм, на осмысление которого, к тому же, существует запрос политиков и обществ¹⁷.

¹⁷ По последним доступным онлайн-данным *Latinobarómetro* (2017 г.), у абсолютного большинства латиноамериканских граждан есть сформированное мнение о процессах экономической и политической интеграции в «домашнем» регионе. См.: *A favor o en contra de la integración económica/política de su país con los otros países de América Latina*. Argentina, Bolivia, Brasil, Chile, Colombia, Costa Rica, Rep. Dominicana, Ecuador, El Salvador, Guatemala, Honduras, México, Nicaragua, Panamá, Paraguay, Perú, Uruguay, Venezuela // *Latinobarómetro*. 2017. URL: <http://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp> (accessed: 12.03.2019).

Благодарности: Настоящая статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Место Латинской Америки в новом миропорядке: перспективы и вызовы», поддержанного РФФИ (проект № 19-014-00042 А).

Библиографический список

- Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы*. М.: ИЛА РАН, 2012.
- Пятаков А.Н. Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации: взгляд сквозь XXI век // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018а. Т. 62. № 1. С. 85—93. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93.
- Пятаков А.Н. Незамеченный юбилей. Десятилетие UNASUR в период региональной нестабильности // *Латинская Америка*. 2018б. № 2. С. 29—45.
- Разумовский Д.В. Конец постлиберального регионализма в Латинской Америке? // *Латинская Америка*. 2018. № 1. С. 25—44.
- Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 5. С. 79—87. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87.
- Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Латинская Америка между ОАГ и CELAC // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 4. С. 90—100.
- Ardila M. Multilateralismo cooperativo de México en el Proyecto Mesoamérica y en la Alianza del Pacífico (2000—2014) // *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2016. P. 147—179.
- Bernal Meza R. La inserción internacional de Brasil: El papel de BRICS y de la región // *Universum*. 2015. Vol. 30. No. 2. P. 17—35.
- Briceño Ruiz J. Hegemonía, poshegemonía, neoliberalismo y posliberalismo en los debates sobre el regionalismo en América Latina // *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2016. P. 23—67.
- Briceño Ruiz J. ¿Un nuevo ciclo regionalista en América Latina? Debates conceptuales, modelos y realidades // *Cuadernos Americanos*. 2017. No. 1 (161). P. 15—45.
- Briceño Ruiz J. Ejes y modelos en la etapa actual de la integración económica regional en América Latina // *Estudios Internacionales*. 2013. No. 175. P. 9—39.

- Comini N., Bontempo T.* La integración latinoamericana en tiempos del 'Brexit' // Foreign Affairs Latinoamerica. 15.08.2016. URL: <http://revistafal.com/la-integracion-latinoamericana-en-tiempos-del-brexit/> (accessed: 12.03.2019).
- Comini N., Frenkel A.* Unasur. De proyecto refundacional al fantasma del Sudamexit // América Latina y el Caribe frente a la encrucijada actual de la globalización. Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe. 2016. No. 13. P. 181—208.
- Cortés M.J.* Brasil y la diplomacia económica de Cardoso: el caso del ALCA. I Congreso de Relaciones Internacionales, Instituto de Relaciones Internacionales (IRI). La Plata, 15 de noviembre de 2002. URL: <http://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/38704/Ponencia.pdf?sequence=2> (accessed: 02.03.2019).
- Da Silva Guevara G.* Nuevo multilateralismo latinoamericano: el liderazgo de Brasil en la Unión de Naciones Suramericanas // ¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2016. P. 107—147.
- Granato L., Oddone N., Battaglia M.* Teoría de la autonomía: ¿Aún vigente para analizar los procesos de cooperación e integración en América Latina? // Teoría & Pesquisa. Revista de Ciencia Política. 2016. No. 25 (1). P. 153—175.
- Martínez Castillo A.* Alianza del Pacífico y Mercado Común del Sur: dos enfoques de la integración económica regional // Papel Político. 2016. Vol. 21. No. 2. P. 469—494.
- Merino G.* Proyectos estratégicos e integración regional en América Latina. El surgimiento de la Alianza del Pacífico, el fortalecimiento del regionalismo abierto y el retroceso del regionalismo autónomo // Relaciones Internacionales. 2017. Vol. 26. No. 52. P. 17—37.
- Miranda R.* Efecto de vecino. El poder de Brasil sobre el Regionalismo de Argentina // Invenio. 2015. Vol. 18. No. 34. P. 35—50.
- Mijares V.M.* Soft Balancing the Titans: Venezuelan Foreign-Policy Strategy toward the United States, China, and Russia // Latin American Policy. 2017. Vol. 8. Iss. 2. P. 201—231. DOI: <https://doi.org/10.1111/lamp.12128>.
- Morales Fajardo M.E., de Jesús Almonte L.* ¿Un nuevo intento a la integración latinoamericana? México y la Alianza del Pacífico // Cuadernos sobre Relaciones Internacionales, Regionalismo y Desarrollo. 2012. Vol. 7. No. 14. P. 111—134.
- Peña F.* América Latina en un mundo incierto y turbulento: impacto sobre las estrategias de integración regional // Estudios Internacionales. 2017. Vol. 49. Octubre. P. 113—124.
- Pereyra Doval G.* ¿Quo Vadis, Brasil? ¿Potencia emergente o golpe de suerte? // Revista del CESLA. 2014. No. 17. P. 151—179.
- Perrotta D.V.* El campo de estudios de la integración regional y su aporte a las Relaciones Internacionales: una mirada desde América Latina // Relaciones Internacionales. 2018. No. 38. P. 9—39.
- Pérez Caldentey E., Sunkel O., Torres Olivos M.* Raúl Prebisch (1901—1986). Un recorrido por las etapas de su pensamiento sobre el desarrollo económico. Naciones Unidas: CEPAL, 2013.
- Prado Lallande J.P., Velázquez Flores R.* La Alianza del Pacífico: comercio y cooperación al servicio de la integración // La Alianza del Pacífico: nuevo mecanismo de cooperación e integración Latinoamericano / Ed. por J.P. Prado Lallande, R. Velázquez Flores, L. Ochoa Bilbao. México: Asociación Mexicana de Estudios Internacionales, A.C. / Fundación Konrad Adenauer, 2017. P. 63—87.
- Rouvinski V.* Rusia y ALBA: ¿Un matrimonio por conveniencia? // ¿La hegemonía norteamericana en declive? El desafío del ALBA y la nueva integración latinoamericana del Siglo XXI / Ed. por B.M. Bagley, M. Defort. Cali: Facultad de Derecho y Ciencias Sociales, Universidad Icesi, 2014. P. 469—497.
- Sanahuja J.A.* Regionalismo e integración en América Latina: de la fractura Atlántico-Pacífico a los retos de una globalización en crisis // Pensamiento propio. 2016. No. 21 (44). P. 29—76.
- Santos Carillo F.* El debate sobre la renovación del regionalismo y sus implicaciones para Centroamérica. Congress of the Latin American Studies Association, Chicago, IL. May 21—24, 2014. URL: https://www.academia.edu/7306206/El_debate_sobre_la_renovaci%C3%B3n_del_regionalismo (accessed: 21.02.2019).
- Serbin A.* Soberanía e integración en América Latina. Comentario Internacional // Revista del Centro Andino de estudios internacionales. 2013. No. 13. P. 65—73.
- Serbin A.* ¿Atlántico vs. Pacífico?: Mega-acuerdos e implicaciones geo-estratégicas para América Latina y el Caribe // ¿Atlántico vs. Pacífico?: América Latina y el Caribe, los cambios regionales y los desafíos globales. Anuario de integración regional de América Latina y el Caribe. No. 10. Buenos Aires: CRIES, 2014. P. 15—72. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2014/11/02a-Serbin.pdf> (accessed: 21.02.2019).
- The Rise of Post-Hegemonic Regionalism in Latin America* // The Rise of Post-Hegemonic Regionalism / Ed. by P. Ruggirozzi, D. Tussie. United Nations University Series on Regionalism. 2012. Vol. 4. P. 1—16. DOI: 10.1007/978-94-007-2694-9_1.
- Torres del Sel M.M.* Las políticas regionales de México, Brasil y Venezuela con respecto a la integración de América Latina // Invenio. 2013. Vol. 16. No. 30. P. 29—46.

- Vázquez M. El Mercosur social. Cambio político y nueva identidad para el proceso de integración regional en América del Sur // *Mercosur 20 años* / Ed. por G. Caetano. Montevideo: CEFIR, 2011. P. 165—185.
- Vigevani T., de Oliveira M.F., Cintura R. Política externa no período FHC: a busca de autonomia pela integração // *Tempo social*. 2003. Vol. 15. No. 2. P. 31—61. DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/S0103-20702003000200003>.
- Zelada Castedo A. Perspectiva histórica del proceso de integración latinoamericana // *Ciencia y Cultura*. 2005. No. 17. P. 113—120.

Дата поступления статьи: 24.03.2019

Для цитирования: Хейфец Л.С., Коновалова К.А. Латиноамериканские исследования интеграции: от периферийного капитализма к «Судамекситу» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 2. С. 218—233. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-218-233.

Сведения об авторах: Хейфец Лазарь Соломонович — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: ilaranspb@hotmail.com).

Коновалова Ксения Александровна — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: missienna@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-218-233

Latin American Reflections on Integration Processes: from Theory of Peripheral Capitalism to “Sudamexit”

L.S. Kheifets, K.A. Konovalova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Integration processes in Latin America and Caribbean basin have been traditionally provoking strong research interest. Over the past decades, Latin American integration has tested plethora of institutional designs, ranging from relatively uniform subregional trade blocs — CACM, LAFTA, etc. to multifunctional partnerships with an identity-forming component, like Unasur or CELAC. This paper is an attempt to show how the Latin American academic community itself analyzes the integration in the “domestic” region. Forming the literature review, the authors, firstly, show how Latin American integrationism has transformed with the successive change of the phases of the “old”, “open” and “post-liberal” regionalism. Despite the fact that the types of integration in each of the periods differ significantly, scientists approach them in quite a similar way. They have been engineering the region socially and have been using such basic concepts as *globalización*, *soberanía* and *desarrollo*. The theory and practice of Latin American integration has always been closely intertwined. Secondly, the authors distinguish three today’s Latin American “big discourses” about integration — political-economic, geopolitical and state-centered. Each of these discourses takes into account the internal and external conditions that led to the post-liberal phase of integration. Third, expert forecasts about the prospects of regional associations against the background of the crisis tendencies of recent years are presented in this paper. Latin American experts agree on the fact that regional integration has entered the new phase, the most important features of which are the globalization slowing down, the complication of inter-American relations due to the “Trump factor”, the decline of left-progressist forces in the region.

Key words: Latin America, integration, integration studies, regionalism, Mercosur, Unasur, ALBA, Pacific Alliance, CELAC

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the scientific project “The Place of Latin America in the New World Order: Prospects and Challenges”, supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-014-00042 A).

References

- Ardila, M. (2016). Multilateralismo cooperativo de México en el Proyecto Mesoamérica y en la Alianza del Pacífico (2000—2014). In: *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia. P. 147—179.
- Bernal Meza, R. (2015). La inserción internacional de Brasil: El papel de BRICS y de la región. *Universum*, 30 (2), 17—35.
- Briceño Ruiz, J. (2013). Ejes y modelos en la etapa actual de la integración económica regional en América Latina. *Estudios Internacionales*, 175, 9—39.

- Briceño Ruiz, J. (2016). Hegemonía, poshegemonía, neoliberalismo y posliberalismo en los debates sobre el regionalismo en América Latina. In: *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia. P. 23—67.
- Briceño Ruiz, J. (2017). ¿Un nuevo ciclo regionalista en América Latina? Debates conceptuales, modelos y realidades. *Cuadernos Americanos*, 1 (161), 15—45.
- Comini, N. & Bontempo, T. (2016). La integración latinoamericana en tiempos del 'Brexit'. *Foreign Affairs Latinoamerica*, 15 agosto. URL: <http://revistafal.com/la-integracion-latinoamericana-en-tiempos-del-brexit/> (accessed: 12.03.2019).
- Comini, N. & Frenkel, A. (2016). Unasur. De proyecto refundacional al fantasma del Sudamexit. In: *América Latina y el Caribe frente a la encrucijada actual de la globalización*. Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe. No. 13. P. 181—208.
- Cortés, M.J. (2002). Brasil y la diplomacia económica de Cardoso: el caso del ALCA. In: *I Congreso de Relaciones Internacionales, Instituto de Relaciones Internacionales (IRI)*. La Plata, 15 noviembre. URL: <http://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/38704/Ponencia.pdf?sequence=2> (accessed: 02.03.2019).
- Da Silva Guevara, G. (2016). Nuevo multilateralismo latinoamericano: el liderazgo de Brasil en la Unión de Naciones Suramericanas. In: *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia. P. 107—147.
- Granato, L., Oddone, N. & Battaglia, M. (2016). Teoría de la autonomía: ¿Aún vigente para analizar los procesos de cooperación e integración en América Latina? *Teoría & Pesquisa. Revista de Ciencia Política*, 25 (1), 153—175.
- Integration processes in Latin America: state and perspectives*. (2012). Moscow: ILA RAS publ. (In Russian).
- Kheifets, V.L. & Hadorich, L.V. (2015). Latin America between OAS and CELAC. *World Economy and International Relations*, 4, 90—100. (In Russian).
- Kheifets, V.L. & Hadorich, L.V. (2017). Crisis in Venezuela and regional integration. *World Economy and International Relations*, 61 (5), 79—87. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87. (In Russian).
- Martínez Castillo, A. (2016). Alianza del Pacífico y Mercado Común del Sur: dos enfoques de la integración económica regional. *Papel Político*, 21 (2), 469—494.
- Merino, G. (2017). Proyectos estratégicos e integración regional en América Latina. El surgimiento de la Alianza del Pacífico, el fortalecimiento del regionalismo abierto y el retroceso del regionalismo autónomo. *Relaciones Internacionales*, 26 (52), 17—37.
- Mijares, V.M. (2017). Soft Balancing the Titans: Venezuelan Foreign-Policy Strategy toward the United States, China, and Russia. *Latin American Policy*, 8 (2), 201—231. DOI: <https://doi.org/10.1111/lamp.12128>.
- Miranda, R. (2015). Efecto de vecino. El poder de Brasil sobre el Regionalismo de Argentina. *Invenio*, 18 (34), 35—50.
- Morales Fajardo, M.E. & de Jesús Almonte, L. (2012). ¿Un nuevo intento a la integración latinoamericana? México y la Alianza del Pacífico. *Cuadernos sobre Relaciones Internacionales, Regionalismo y Desarrollo*, 7 (14), 111—134.
- Peña, F. (2017). América Latina en un mundo incierto y turbulento: impacto sobre las estrategias de integración regional. *Estudios Internacionales*, 49 (Octubre), 113—124.
- Pereyra Doval, G. (2014). ¿Quo Vadis, Brasil? ¿Potencia emergente o golpe de suerte? *Revista del CESLA*, 17, 151—179.
- Pérez Caldentey, E., Sunkel, O. & Torres Olivos, M. (2013). *Raúl Prebisch (1901—1986). Un recorrido por las etapas de su pensamiento sobre el desarrollo económico*. Naciones Unidas: CEPAL.
- Perrotta, D.V. (2018). El campo de estudios de la integración regional y su aporte a las Relaciones Internacionales: una mirada desde América Latina. *Relaciones Internacionales*, 38, 9—39.
- Piatkov, A.N. (2018b). Unnoticed Anniversary. Ten Years of Unasur in the Conditions of Regional Political Uncertainty. *Latin America*, 2, 29—45. (In Russian).
- Prado Lallande, J.P. & Velázquez Flores, R. (2017). La Alianza del Pacífico: comercio y cooperación al servicio de la integración. In: *La Alianza del Pacífico: nuevo mecanismo de cooperación e integración latinoamericano* / Ed. por J.P. Prado Lallande, R. Velázquez Flores, L. Ochoa Bilbao. México: Asociación Mexicana de Estudios Internacionales, A.C. / Fundación Konrad Adenauer. P. 63—87.
- Pyatkov, A.N. (2018a). Latin American Approaches to Globalization Problem: a Look through the 21st Century. *World Economy and International Relations*, 62 (1), 85—93. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93. (In Russian).
- Razumovskiy, D.V. (2018). The End of Post-Liberal Regionalism in Latin America? *Latin America*, 1, 25—44. (In Russian).
- Riggiozzi, P. & Tussie, D. (2012). The Rise of Post-Hegemonic Regionalism in Latin America. In: *The Rise of Post-Hegemonic Regionalism* / Ed. by P. Riggiozzi, D. Tussie. United Nations University Series on Regionalism. Vol. 4. P. 1—16. DOI: 10.1007/978-94-007-2694-9_1.
- Rouvinski, V. (2014). Rusia y ALBA: ¿Un matrimonio por conveniencia? In: *¿La hegemonía norteamericana en declive? El desafío del ALBA y la nueva integración latinoamericana del Siglo XXI* / Ed. por B.M. Bagley, M. Defort. Cali: Facultad de Derecho y Ciencias Sociales, Universidad Icesi. P. 469—497.
- Sanahuja, J.A. (2016). Regionalismo e integración en América Latina: de la fractura Atlántico-Pacífico a los retos de una globalización en crisis. *Pensamiento propio*, 21 (44), 29—76.

- Santos Carillo, F. (2014). *El debate sobre la renovación del regionalismo y sus implicaciones para Centroamérica*. Congress of the Latin American Studies Association, Chicago, IL. May 21—24. URL: https://www.academia.edu/7306206/El_debate_sobre_la_renovaci%C3%B3n_del_regionalismo (accessed: 21.02.2019).
- Serbín, A. (2013). Soberanía e integración en América Latina. Comentario Internacional. *Revista del Centro Andino de estudios internacionales*, 13, 65—73.
- Serbín, A. (2014). ¿Atlántico vs. Pacífico?: Mega-acuerdos e implicaciones geo-estratégicas para América Latina y el Caribe. In: *¿Atlántico vs. Pacífico?: América Latina y el Caribe, los cambios regionales y los desafíos globales*. Anuario de integración regional de América Latina y el Caribe. No. 10. Buenos Aires: CRIES. P. 15—72. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2014/11/02a-Serbin.pdf> (accessed: 21.02.2019).
- Torres del Sel, M.M. (2013). Las políticas regionales de México, Brasil y Venezuela con respecto a la integración de América Latina. *Invenio*, 16 (30), 29—46.
- Vázquez, M. (2011). El Mercosur social. Cambio político y nueva identidad para el proceso de integración regional en América del Sur. In: *Mercosur 20 años* / Ed. por G. Caetano. Montevideo: CEFIR. P. 165—185.
- Vigevani, T., de Oliveira, M.F. & Cintura, R. (2003). Política externa no período FHC: a busca de autonomia pela integração. *Tempo social*, 15 (2), 31—61. DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/S0103-20702003000200003>.
- Zelada Castedo, A. (2005). Perspectiva histórica del proceso de integración latinoamericana. *Ciencia y Cultura*, 17, 113—120.

Received: 24.03.2019

For citations: Kheifets, L.S. & Konovalova, K.A. (2019). Latin American Reflections on Integration Processes: from Theory of Peripheral Capitalism to “Sudamexit”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 218—233. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-218-233.

About the authors: *Kheifets Lazar’ Solomonovich* — PhD, Dr. of Science (History), Professor, Department of American Studies, Saint Petersburg State University (e-mail: ilaranspb@hotmail.com).

Konovalova Ksenia Aleksandrovna — Master student, St. Petersburg State University (e-mail: misssienna@yandex.ru).

© Хейфец Л.С., Коновалова К.А., 2019